

М. А. Трушкин

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В СФЕРЕ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА, КАК КЛАССИФИКАЦИОННАЯ ГРУППА В МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

M. A. Trushkin

ECONOMIC CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF AGRICULTURAL PRODUCTION AS A CLASSIFICATION GROUP IN THE METHODOLOGY OF INVESTIGATION OF CRIMES

В статье выдвигается тезис, в соответствии с которым определение классификационной группы преступлений является средством повышения эффективности расследования. В качестве основного аргумента приводится то, что правильное определение классификационной группы преступлений позволяет решить проблему острого информационного дефицита на первоначальном этапе расследования. Приводятся также и иные аргументы. При этом обосновывается, что именно правильное определение классификационной группы «экономические преступления, совершённые в сфере аграрного производства» позволяет следователю при расследовании концентрироваться на криминалистически значимых признаках, что обеспечивает успех расследования этих преступлений.

Ключевые слова: экономические преступления, методика расследования, классификационная группа, криминалистическая классификация, информация.

The paper considers the thesis according to which the determination of the classification of crimes is a means of increasing the effectiveness of the investigation. The main argument is that the correct definition of the classification of crimes can solve the problem of acute shortage of information in the initial stage of the investigation. The author also gives certain other arguments. Moreover, it is proved that the correct determination of the classification of «economic crimes committed in the sphere of agricultural production» allows the investigator to focus on the investigation of forensically significant features which ensures the success of the investigation of these crimes.

Keywords: economic crimes, investigation methodology, classification group, forensic classification, information.

Проблема эффективности всегда стояла и стоит перед расследованием. Именно эффективность является тем стимулом, который лежит в основе стремления постоянно совершенствовать имеющиеся методики расследования преступлений. При этом кажущаяся сегодня эффективной методика уже завтра может и не отвечать запросам практики, которая будет требовать от нее еще большей эффективности. Такая постоянная гонка в совершенствовании методик является двигателем теории расследования, который

стимулирует поиск новых средств оптимизации следственной деятельности.

Одним из таких средств, которому, к сожалению, далеко не всегда уделяется должное внимание, является объединение преступлений в классификационные группы. То есть это означает определение информационных предпосылок к расследованию соответствующего преступления. От того, к какой классификационной группе будет отнесено то или иное преступление зависит методологический подход к нему следователя при расследо-

вании. Необходимость в данной криминалистической классификации обусловлена необходимостью подбора к конкретным преступлениям наиболее оптимальных средств и методов их выявления, раскрытия и расследования.

Конечно же, не вызывает сомнений, что уже достаточно много сделано в направлении создания методик расследования экономических преступлений. Однако, как это ни странно, чем больше делается в этом направлении, тем с большей настойчивостью встает вопрос: а можно ли объять необъятное? Необъятное потому, что экономические преступления слишком многообразны. И это многообразие обусловлено сложностью самих экономических отношений, которые складываются в различных сферах человеческой деятельности. Это предполагает то, что возникают и существуют самые разные обстоятельства, способствующие совершению преступлений. Многообразие этих обстоятельств является основой для многообразия соответственно способов и механизмов совершения преступлений. В свою очередь, это неизбежно влечет требование, предъявляемое к методикам расследования — максимально использовать все многообразие совершаемых преступлений. Но учесть это достаточно сложно, а еще более сложно формализовать это в создаваемой методике, от которой требуется, чтобы она была максимально эффективной. Выход один — создавать методику не для расследования всех экономических преступлений, а только для расследования определенной разновидности этих преступлений. При этом вовсе не следует отрицать и наличие более общей методики расследования экономических преступлений, как родовой методики, охватывающей расследование всех без исключения экономических преступлений.

Вполне очевидной является информационная ценность криминалистической классификации, которая позволяет выделять и объединять конкретные преступления в определенную классификационную группу. Выделение преступлений в отдельные классификационные группы позволяет увидеть в них те существенные криминалистически значимые признаки, которые являются существенными для расследования. При этом использование такой криминалистической классификации позволяет восполнить дефицит информации на первоначальном этапе расследования. Как справедливо отмечает Н. А. Подольный: «Как правило, названная ситуация возникает на первоначальном

этапе расследования преступления и связана, чаще всего, с тем, что преступником были предприняты действия по сокрытию следов» [3, с. 4—5]. При этом следует отметить, что в отдельных случаях данная ситуация может возникать и на последующих этапах расследования.

Экономические преступления сами по себе уже являются достаточно сложными, поскольку лица, их совершающие, обладают настолько хорошим знанием системы экономических отношений в определенной сфере хозяйствования, что используют их для разработки максимально безукоризненного способа и механизма совершения соответствующего преступления. Уже при разработке плана совершения этих преступных действий преступники предполагают определенный риск, в том числе и риск их разоблачения, для чего предпринимая меры, с помощью которых можно было бы в последующем, если будет возбуждено уголовное дело по факту совершения этого преступления, использовать для противодействия расследованию. Это в числе прочих обстоятельств является причиной сложности способа и механизма совершения экономических преступлений. При этом практика обращает внимание на то, что несмотря на имеющиеся сходства в совершении всех преступлений, все они достаточно разнообразны. Это делает методические наработки, адресованные расследованию всех экономических преступлений, недостаточно эффективными по отношению к расследованию экономических преступлений, совершенных в отдельных сферах хозяйствования. Хотя, безусловно, нельзя отрицать их значимость для успешного расследования, поскольку без них расследование стало бы попросту хаотичным и бессистемным, однако для эффективности расследования преступлений в отдельных сферах хозяйствования необходимо, чтобы названные методические рекомендации принимали во внимание некоторые такие «мелочи», которые являются существенными для механизма и способа совершения названных преступлений. В частности, к такому расследованию относится расследование экономических преступлений, совершенных в сфере аграрного производства.

Аграрное производство представляет собой достаточно сложную сферу экономической деятельности, которая имеет массу особенностей, отличающих его от иных видов производства. Отношения, которые здесь складываются, соответственно серьезно отличаются от иных видов отношений, при том, что,

конечно же, присутствуют и некоторые общие черты. Эти достаточно сложные отношения становятся одновременно и основой для совершения экономических отношений и являются обстановкой, в которой они совершаются. Основой они могут становиться потому, что преступники всегда стремятся использовать определенные особенности названных отношений для определения способа и механизма совершения соответствующих преступлений. Причем не следует рассматривать названные особенности как несовершенство соответствующих экономических отношений. Скорее наоборот, именно сложность этих отношений позволяет преступникам попытаться «встроить» совершенное ими преступление в систему экономических отношений в надежде на то, что среди этих отношений их преступные действия останутся незамеченными для контролирующих и правоохранительных органов. Система экономических отношений часто сама становится одним из элементов обстановки совершения соответствующего преступления, которая используется преступником в целях «маскировки» совершенного ими преступления.

Все это характерно для экономических преступлений, совершаемых в сфере аграрного производства. Сама сложность этих отношений становится основой для планирования и совершения преступниками преступлений в этой сфере хозяйствования. Кроме того, сложность этих отношений обусловлена изменчивостью природных условий, которые, влияя на урожаи и поголовье скота, отражаются на этих отношениях. Так, невозврат взятых кредитов и ссуд зачастую обусловлен не только неблагоприятными природными условиями, но и преступными действиями, цель которых — замаскировать под убытки, к примеру, совершенное хищение. В данном случае наблюдается почти парадоксальная ситуация, когда риск хозяйственной деятельности используется в качестве маскировки совершенного преступления, а затем оказывает влияние на расследование данного преступления. Расследовать такие преступления достаточно сложно именно из-за того, что они достаточно искусно маскируются под ущерб от неблагоприятных погодных условий. Тем самым риск является ключевым моментом и в хозяйственной деятельности в сфере аграрного производства, и при выборе способа совершения преступления, и при расследовании такого рода преступлений. Поэтому разрешение проблем, связанных с риском,

во многом обуславливает и успех расследования названного вида преступлений.

Все эти особенности совершения преступлений в сфере аграрного производства предполагают то, что при их расследовании должен применяться такой набор инструментов, который бы с учетом особенностей названных преступлений мог бы обеспечивать их эффективное расследование. Одним из таких инструментов является определение классификационной группы «экономические преступления, совершенные в сфере аграрного производства». Отнесение того или иного преступления к этой группе уже само по себе предполагает выделение в этом преступлении определенных существенных для расследования черт, знание которых в определенной мере направлено на компенсацию информационного дефицита на первоначальном этапе расследования. Подход, основанный на выделении криминалистически значимых черт, определяющих преступление, достаточно хорошо зарекомендовал себя как в практике расследования, так и в теории криминалистики. По существу он является исходным пунктом создания высокоэффективных частных методик расследования различных видов преступлений. При этом использование признаков, позволяющих осуществлять уголовно-правовую классификацию, явно недостаточно для того, чтобы стать исходным для формирования эффективной частной методики расследования. Достаточно критически к уголовно-правовой классификации как основе частных методик расследования отнесится и А. Ю. Головин, который пишет: «Преступление, как объект криминалистического классификационного исследования, не должно сводиться к своему уголовно-правовому определению» [1, с. 136]. Н. А. Подольный и А. Ф. Кучин еще более категоричны в своих суждениях. Они считают, что использование уголовно-правовой классификации преступлений при создании частной методики расследования уже давно не отвечает потребностям практики. Они пишут: «Такая классификация уже не отражает насущных потребностей криминалистики в создании эффективных методик расследования» [2, с. 35]. Далее они достаточно четко аргументируют свою мысль: «...В практике своей деятельности и следователи, и оперативные сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с тем, что успех раскрытия и расследования одного преступления, предусмотренного какой-либо одной статьей, зависит от

успеха расследования другого преступления, предусмотренного совсем иной статьей Уголовного кодекса» [2, с. 35]. Представляется, что такая аргументация вполне приемлема и отражает сущность отдельных видов криминалистической классификации, в частности, тогда, когда одно совершенное преступление является своеобразным подготовительным этапом к совершению следующего.

Такой подход к созданию частной методики применяет и Н. А. Подольный при создании методики расследования преступлений, составляющих молодежную организованную преступность, который также полагает, что в основе таких методик должна лежать классификационная группа, основанная на криминалистически значимых признаках (чертах). Так, он пишет: «Благодаря знанию данных черт имеется возможность выдвижения версий, способных максимально оптимизировать расследование...» [4, с. 24]. При этом он обращает внимание на то, что названные признаки (черты) имеют особое значение для расследования. В связи с этим он отмечает, что знание этих черт — это «не просто как информация, полезная для процесса познания, но и как конструкция, выступающая в качестве орудия, с помощью которого следователь имеет возможность получить новую информацию» [4, с. 24]. То есть, он особо подчеркивает инструментальное значение криминалистически значимых признаков, которые являются критерием выделения классификационных групп преступлений, лежащих в основе создания частных методик расследования.

Вполне очевидно, что и в основе выделения экономических преступлений, совершенных в сфере аграрного производства, в отдельную классификационную группу должны лежать определенные криминалистически значимые признаки. Так, к ним следует отнести:

— сферу совершения данного вида преступлений, которая определяет особенности обстановки совершения данного преступления;

— использование рисков аграрного производства (неурожай, падеж скота) для маскировки совершенного преступления, а также планирование этого преступления (в частности, выбор способа его совершения);

— универсальность способа совершения данных преступлений, состоящая в том, что совершаемые преступные действия одновременно являются и элементами способа совершения преступления, и элементами способа его сокрытия;

— особенности личности лиц, виновных в совершении данных преступлений, состоящие в наличии у них достаточно высокого интеллектуального уровня и глубоких знаний как в технологической стороне аграрного производства, так и в его экономической составляющей.

Выделение названных криминалистически значимых признаков позволяет не только четко определить рассматриваемую классификационную группу, но и должно помогать следователям концентрировать внимание на тех признаках, обнаружение которых является, по существу, ключом к расследованию этих преступлений.

Однако несмотря на безусловную значимость криминалистически значимых признаков при определении классификационной группы, тем не менее важными являются и признаки уголовно-правовой классификации преступлений. То есть, криминалистическая классификация вовсе не отрицает практической ценности уголовно-правовой классификации. Более того, критерии уголовно-правовой классификации также используются в криминалистической классификации. Это обусловлено тем, что всегда актуальным остается вопрос о том, какие же конкретно составы преступлений охватывает та или иная классификационная группа.

Следовательно, для того, чтобы быть максимально конкретным в определении классификационной группы «экономические преступления, совершенные в сфере аграрного производства», необходимо обязательно определить то, какие составы охватываются данным понятием. В связи с этим вполне очевидно, что данные преступления — это преступления, которые охватываются разделом VIII особенной части Уголовного кодекса РФ. В частности, это следующие подгруппы преступлений

— преступления против собственности (гл. 21 УК РФ): кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ);

— преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ): регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ); незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ); злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ); принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ), незаконное использование товарного знака (ст. 180 УК

РФ), уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст. 199 УК РФ);

— преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ): злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ).

Названный перечень составов рассматриваемой классификационной группы не является исчерпывающим. Перечисленные преступления наиболее часто совершаются, а потому их бесспорно отождествляют с экономическими преступлениями, совершенными в сфере аграрного производства. Однако имеется целый ряд других преступлений, которые хотя и совершаются реже, тем не менее также составляют рассматриваемую классификационную группу. В частности, к таким преступлениям относятся следующие: легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ), недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ), фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ).

При определении классификационной группы преступлений с применением критериев криминалистической классификации всегда возникают некоторые сложности. Обусловлены они тем, что чаще всего преступники планируют и совершают не одно, а целую серию преступлений. Причем отдельные из этих преступлений являются лишь одним из этапов в достижении определенной преступной цели. Так, характеризуя преступления в сфере малого и среднего бизнеса, Н. А. Подольный и А. Ф. Кучин пишут: «Преступления, которые совершаются в сфере малого и среднего бизнеса, — это не простая совокупность разрозненных преступлений, а система действий, объединенных в единую преступную деятельность, целью которой является достижение личной материальной выгоды за счет нарушений нормальной экономической деятельности малого и среднего бизнеса» [2, с. 36]. Основной идеей здесь является то, что отдельное преступление часто является лишь одним из эпизодов порой достаточно длительной преступной деятельности, направленной на достижение вполне определенной цели. Поэтому каждое отдельное преступление, имея собственную цель, на достижение которой оно ориентиро-

вано, также имеет еще одну цель, которая является общей для нескольких преступлений, объединенных в единую систему, именуемую «преступная деятельность». В связи с этим в такую систему могут быть объединены преступления, казалось бы, достаточно далекие друг от друга. В частности, преступления против жизни и здоровья могут совершаться с целью создания условий для совершения того или иного экономического преступления. При этом данные преступления могут выступать как эпизоды единой преступной деятельности, поскольку направлены на достижение единой корыстной цели. В связи с этим встает вопрос: может ли наличие такой связи между совершенными преступлениями выступать в качестве одного из оснований для определения классификационной группы преступлений? Представляется, что данное основание, которое можно назвать «по связи преступлений», также может и должно выступать в качестве одного из классификационных признаков. Такой подход предполагает для определения соответствующей классификационной группы преступлений обращаться к обобщению следственной и судебной практики с целью выявления установления названной «связи» между различными преступлениями, которые совершаются с корыстной целью в сфере аграрного производства. То есть, необходимы такие обобщения, которые могли бы выявить то, с какими преступлениями чаще всего совершаются экономические преступления в сфере аграрного производства. Это позволяет четче определить рассматриваемую классификационную группу и, благодаря этому, создать эффективную методику расследования названных преступлений.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что правильное определение классификационной группы «экономические преступления, совершенные в сфере аграрного производства» является одним из средств оптимизации расследования названных преступлений. Это обусловлено тем, что в этом случае появляется возможность учета следователем специфики данных преступлений. Благодаря этому становится возможным не только более эффективно расследовать каждое конкретное из названных преступлений, но и создать методику, обеспечивающую оптимизацию расследования этих преступлений.

References

1. Golovin A.Ju. Kriminalisticheskaja sistematika [Forensic Systematics]. Moscow. LesJest Publ., 2002. 335 p.
2. Podol'nyj N.A., Kuchin A.F. Dokazyvanie pri rassledovanii prestuplenij v sfere malogo i srednego biznesa [Evidence in Investigation of Crimes in the Sphere of Small and Medium Enterprises]. *Sledovatel'*, 2003, No. 8, p. 35-40.
3. Podol'nyj N.A. Znachenie razreshenija situacii informacionnoj neopredelennosti dlja rassledovanija prestuplenij [Value of Solution of the Situation of Informational Uncertainty in Crime Investigation]. *Rossijskij sledovatel'*, 2011, No. 17, p. 4-6.
4. Podol'nyj N.A. Teoreticheskie i prakticheskie osnovy raskrytija i rassledovanija prestuplenij, sovershennyh molodezhnymi organizovannymi gruppirovkami. Kand. dis. (Juridicheskie nauki) [Theoretical and Practical Fundamentals of Investigation of Crimes Committed by Organized Youth Groups. Thesis of Cand. Sc. Law]. Moscow, 2007. 496 p.

ТРУШКИН Михаил Александрович, старший следователь второго отделения (о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики) отдела по расследованию особо важных дел, следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Мордовия. 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 2. E-mail: prokuratura777@mail.ru

TRUSHKIN Mikhail Aleksandrovich, Senior investigator of the second branch on crimes against the state power in economic sphere) of the investigation of particularly important cases of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Republic of Mordovia. 2, Tolstogo Str., Saransk, Republic of Mordovia, 430005. E-mail: Prokuratura777@mail.ru

For citation: **M. A. Trushkin**. Economic Crimes Committed in the Field of Agricultural Production as a Classification Group in the Methodology of Investigation of Crimes *Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 3 (46). 2014. pp. 181–186.*

